

Корпорация юристов на государственной службе Российской империи: ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ*

Проблема образования корпорации юристов на государственной службе России донныне почти не привлекала внимания ученых авторов. К настоящему времени эта проблема оказалась специально затронута лишь в двух недавно опубликованных статьях, которые, однако, затруднительно признать имеющими научное значение¹.

В рамках изучения проблем развития в имперской России профессионального правового сознания и складывания юридической профессии (*legal profession* или *law profession*) интересные наблюдения о возникновении корпорации юристов высказали Р. Уортман и Б. Левин-Станкевич². Развитие в нашей стране института «судебной службы» систематически осветил В.В. Захаров в особом § 4.3 диссертационного исследования, защищенного в июне 2009 г. в Московской государственной юридической академии³.

Прежде чем обратиться к рассмотрению проблемы, в какие годы и в связи с чем произошло формирование корпорации юристов на государственной службе Российской империи, видится необходимым определить с ключевым терми-

Серов Дмитрий Олегович,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
Новосибирского государственного
университета
экономики и управления,
доктор исторических наук
serov1313@mail.ru

Serov Dmitry O.,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law
of the Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Doctor of Historical Sciences

ном. Здесь хотелось бы предложить следующую дефиницию: профессиональная корпорация — это круг лиц, обладающих особым правовым статусом, имеющих специальные знания и навыки, а также субъективно осознающих принадлежность к данному сообществу.

Для возникновения корпорации юристов на государственной службе необходимы, как представляется, следующие условия: 1) институциональное обособление органов юстиции⁴ в национальном государственном механизме; 2) наделение должностных лиц органов юстиции особым правовым статусом, отделяющим их от остальных государ-

ственных гражданских служащих (что, в свою очередь, обуславливает появление особой разновидности государственной службы, которая в имперской России именовалась «судебной службой»); 3) нормативное закрепление для должностных лиц органов юстиции — в рамках особого правового статуса — профильного образовательного ценза; 4) способность национальной системы образования обеспечить органы юстиции необходимым количеством юридически подготовленных выпускников; 5) относительно высокий уровень развития национальной юриспруденции (особенно отраслевых юридических наук).

Итак, как обстояло дело с корпорацией юристов на государственной службе в нашей стране до начала alexandrovских преобразований? Прежде всего, необходимо отметить, что в России дореформенного периода органы юстиции не образовывали собой обособленного сегмента государственного механизма. В империи функционировала архаичная и громоздкая судебная система с множеством судебных инстанций, которая была тесно переплетена с системой управления. Все суды являлись специализированны-

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Границы и маркеры социальной стратификации России XVIII–XX вв.», проект № 14-18-01873. ■ ¹ Симбаева Д.Ю. Значение Судебной реформы 1864 года для формирования корпорации юристов в России // День юриста: матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 49–58; Она же. Судебная реформа 1864 года и формирование корпорации юристов в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 13–17. ■ ² Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976. P. 198–234 (оригинальное обозрение развития в России второй трети XIX в. legal ethos, духа права); Levin-Stankevich V. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class. The professions in Russian History / ed. by H. Balzer. Armonk, N. Y., 1996. P. 221–235, 239. ■ ³ Захаров В.В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 268–286. Публикацию этого параграфа см.: Захаров В.В., Ильина Т.Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX — начале XX века: монография. М., 2013. С. 33–43. ■ ⁴ Здесь и далее под органами юстиции подразумевается совокупность органов правосудия, органов прокуратуры и органов предварительного следствия.

ми. Сохранялось несколько изолированных подсистем ведомственных судов.

Российская дореформенная прокуратура имела весьма расплывчатые общенадзорные полномочия, не закрепленные в каком-либо специальном нормативном акте. Органы прокуратуры фактически не обладали организационным единством. Как емко выразился по этому поводу в 1864 г. в статье в ведомственном журнале старший столоначальник Департамента Министерства юстиции П.А. Марков, современнику и в голову не приходило, что «как обер-прокурор, так и губернские прокуроры и уездные стряпчие составляют в сущности одно учреждение»⁵.

Предварительное следствие в дореформенный период осуществляли преимущественно органы полиции Министерства внутренних дел. Должностными лицами, специализированными на расследовании уголовных дел, являлись учрежденные в 1808 г. следственные приставы. Штатная численность следственных приставов была, однако, невелика, а их деятельность не была никак централизована.

По данным Департамента герольдии Правительствующего Сената, в конце 1859 г. в империи трудилось всего 110 следственных приставов⁶. При этом они числились в органах полиции всего 22 губерний

и вовсе отсутствовали в 41 регионе, а также в Финляндии и Царстве Польском. В итоге основную часть уголовных дел расследовали либо неспециализированные должностные лица городской и сельской полиции (становые и частные приставы, земские исправники), либо временно назначавшиеся для производства следствий иные неспециализированные должностные лица (чаще всего чиновники для особых поручений и сотрудники III отделения Императорской канцелярии)⁷.

По своему правовому статусу должностные лица дореформенных органов юстиции никак не выделялись из общей массы государственных гражданских служащих. Элементов особого статуса до александровских преобразований не имели даже судьи⁸. Соответственно, ни о каком выделении «судебной службы» в те времена не могло быть и речи. В подобном контексте несложно также догадаться, что до 1860-х годов профильный образовательный ценз не предусматривался ни для одной категорий служащих органов юстиции.

Для сравнения уместно заметить, что в соседнем Королевстве Пруссия наличие юридического образования для судей судов высшего звена стало обязательным в 1713 г., а для остальных судей — в 1737 г. Кроме того, в первой половине

1750-х годов в Пруссии для претендентов на занятие должностей в органах правосудия были введены особые квалификационные экзамены⁹. С 1775 г. прусский кандидат в судьи должен был сдать уже двухэтапный квалификационный экзамен (сначала в университете, а затем в особой правительственной комиссии — *Ober-Examinationskommission*)¹⁰.

На ситуации с состоянием юридического образования в дореформенной России представляется необходимым остановиться несколько подробнее¹¹. К 1860 г. в империи функционировали шесть юридических факультетов (Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского, Дерптского университетов и Университета св. Владимира), юридическое отделение Ришельевского лицея в Одессе, а также четыре специализированных учебных заведения юридического профиля — Демидовский лицей в Ярославле, Лицей князя Безбородко в Нежине, состоявшее в ведомстве Министерства юстиции Императорское Училище правоведения и состоявшее в ведомстве Военного министерства Аудиторское училище. Проблема заключалась, однако, не в количестве образовательных учреждений, готовивших юристов, а в количестве их выпускников.

Так, юридический факультет расположенного в Киеве Импера-

⁵ Цит. по: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. С. 328–329. В этом отношении весьма примечательны воспоминания известного консервативного публициста князя В.П. Мещерского о своей работе в 1858–1859 гг. стряпчим полицейских дел Рождественской части Санкт-Петербурга. Несмотря на то что князь Владимир Петрович имел высшее юридическое образование, а должность стряпчего являлась прокурорской, он описал свои тогдашние занятия как службу в полиции, а не в прокуратуре (Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. 1. С. 105–123). ■ ⁶ Подсчитано по: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1860–1861 год. СПб., [1860]. Ч. 2. ■ ⁷ Подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие от Александра I до Александра II (1801–1860 гг.) // Российский следователь. 2015. № 11. С. 54–59. ■ ⁸ Подробнее см.: Щедрина Ю.В. Формирование судейского корпуса накануне судебной реформы 1864 г. // Армия и общество. 2014. № 1. С. 60–66. ■ ⁹ Friedrich G.. The Continental Tradition of Training Administrators in Law and Jurisprudence // The Journal of Modern History. 1939. Vol. 11. № 2. P. 140. ■ ¹⁰ Fischer W., Lundgreen P. The Recruitment and Training of Administrative and Technical Personnel // The Formation of National States in Western Europe / ed. by Ch. Tilly. Princeton, 1975. P. 516–517. ■ ¹¹ О развитии юридического образования России во второй трети XIX в. подробнее см.: Захаров В.В. Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX — начала XX века. Курск, 2006. С. 34–40, 93–113; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века : учеб. пособие. М., 2010. С. 29–193.

торского университета св. Владимира за 20-летие 1840–1859 гг. окончили 345 человек¹² (в среднем по 17 человек в год). За те же два десятилетия Императорский Санкт-Петербургский университет выпустил 830 юристов¹³ (в среднем по 42 человека в год). В Императорском Харьковском университете на выпускном 4-м курсе юридического факультета в 1840 г. обучались 34 студента, в 1843 г. — 32, а в 1854 г. — 26¹⁴.

Лицей князя Безбородко за 17-летие 1843–1859 гг. подготовил 330 юристов¹⁵ (в среднем по 19 человек в год), Аудиторское училище за 1840–1859 гг. — 271¹⁶ (в среднем по 14 человек в год). В свою очередь, юридический факультет Императорского Дерптского университета (*Kaiserlichen Universität Dorpat*) за 1840–1849 гг. выпустил 182 специалиста¹⁷ (в среднем по 18 человек в год). Юридический факультет Императорского Казанского университета в 1850 г. окончили 16 человек, в 1856 г. — 17¹⁸.

Количество выпускников первых десяти выпусков (1840–1849 гг.) привилегированного Императорского Училища правоведения составило 237 человек¹⁹ (в среднем по 24 в год). Юридический факультет Императорского Московского университета за 18-летие 1836–1854 гг.

подготовил 802 дипломированных специалиста²⁰ (в среднем по 46 человек в год). По состоянию на 1 января 1858 г. на выпускном курсе юридического факультета Московского университета обучались 42 студента²¹. В 1861 г. общее количество выпускников-юристов составило в нашей стране 328 человек²².

Как приведенные цифры соотносились с тогдашней численностью государственных гражданских служащих Российской империи? Известно, что в 1847 г. в отечественном государственном аппарате трудились 61 548 служащих, а в 1857 г. — 86 066 и что в конце 1850-х годов на государственной службе ежегодно открывалось в среднем около 3000 вакансий²³. В свете этих данных незначительность выпуска специалистов в области юриспруденции в 1840–1850-е годы представляется очевидной. Особенно если учесть, что выпускники-юристы рекрутировались не только в органы юстиции, но и — хотя в меньшем количестве — в иные гражданские ведомства.

Проблема с формированием контингента юридически образованных кадров для органов юстиции была в действительности еще более острой — из-за ситуации с юридическим факультетом Дерпт-

ского университета и Аудиторским училищем. Дело в том, что до 1889 г. преподавание в Дерптском университете велось исключительно на немецком языке, а среди студентов преобладали уроженцы Балтии. Соответственно, согласно данным «Альбома» *Kaiserlichen Universität Dorpat*, из 182 упомянутых выпускников юридического факультета 1840-х годов 137 человек (75,3%) поступили на службу в органы государственной власти и местного самоуправления балтийских губерний²⁴.

В свою очередь, Аудиторское училище готовило специалистов для органов военной юстиции, и его выпускники крайне редко переходили на гражданскую службу. Тем самым следует констатировать наличие в предреформенной России дефицита лиц с высшим юридическим образованием. Иными словами, тогдашняя национальная система образования была заведомо неспособна обеспечить органы юстиции необходимым количеством профильно подготовленных выпускников.

Что касается российской юриспруденции, то ее развитие в предреформенный период было явственно медленным и фрагментарным²⁵. Неудивительно, что в империи тогда не функционировало ни одного юри-

¹² Подсчитано по: Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1. Приложения. С. XXXVIII. ■ ¹³ Подсчитано по: Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка. СПб., 1870. Приложения. С. LXXVII–CVI. Без учета выпускников камерального и административного отделений юридического факультета. ■ ¹⁴ Подсчитано по: Список студентов Императорского Харьковского университета на 1840/41 академический год. [Харьков, 1840]. С. 19–20; Список студентов Императорского Харьковского университета на 1843/44 академический год. [Харьков, 1843]. С. 23–24; Список студентов Императорского Харьковского университета на 1854–1855 академический год. [Харьков, 1854]. С. 14–15. ■ ¹⁵ Подсчитано по: Список студентов, окончивших курс в Лицее князя Безбородко со времени преобразования его из математического факультета в юридический / сост. Н.В. Гербель // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881. Приложения. С. CXLVI–CLXXXVI. ■ ¹⁶ Пятьдесят лет специальной школе для образования военных законоведов в России. 1832–1882 / под ред. П.О. Бобровского. СПб., 1882. С. 156–157. ■ ¹⁷ Подсчитано по: Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / bearh. von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat, 1889. S. 249–360. ■ ¹⁸ Отчет о состоянии Императорского Казанского университета в 1849–1850 академическом году. Казань, 1850. С. 33–34; Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1855–1856 учебный год. Казань, 1856. С. 17–18. ■ ¹⁹ Подсчитано по: Список бывшим воспитанникам Императорского Училища правоведения, окончившим в оном курс наук. 1840–1910 гг. // Памятная книжка Императорского Училища правоведения на учебный 1910–1911 год. СПб., 1910. С. 3–22. ■ ²⁰ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. 1755–1855. М., 1855. С. 574. ■ ²¹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. [М., 1857]. С. 135–137. ■ ²² Захаров В.В., Ильина Т.Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX — начале XX века. С. 29. ■ ²³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 34, 67, 69. ■ ²⁴ Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. S. 249–360. ■ ²⁵ Подробнее см.: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. С. 194–335.

дического научного общества. Как исчерпывающе высказался по этому поводу в феврале 1902 г. выдающийся правовед и государственный деятель сенатор А.Ф. Кони, «юридические общества до начала царствования Александра II были немислимы»²⁶.

Для иллюстрации уровня образованности должностных лиц дореформенных органов юстиции представляется уместным привести данные об образовательном уровне судей и прокуроров регионального звена в 1851 г. Как явствует из официального «Списка чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции», по состоянию на февраль 1851 г. из 57 губернских и областных прокуроров России высшее юридическое образование имели только 27 (47,3% состава), а 21 региональный прокурор (36,8%) не получил вообще никакого образования. Даже в прокуратуре Сената из 13 обер-прокуроров дипломированными юристами являлись лишь восемь человек (61,5%)²⁷.

К примеру, в 1851 г. ни высшего, ни среднего образования не имели прокуроры Курляндской, Олонецкой и Ставропольской губерний статские советники Ф.Б. Клейн, П.А. Броницкий и В.Д. Ивков. Занимавший с 1839 г. должность прокурора Саратовской губернии статский советник С.И. Селивачев окончил в 1821 г. Морской кадетский корпус. А вот состоявший с 1845 г. прокурором Московской (!) губернии коллежский советник К.М. Колумбов являлся выпускником Пензенской духовной семинарии. Никакого образования не получил и действительный статский советник В.П. Зубков, находившийся с 1843 г.

на посту обер-прокурора общего собрания московских департаментов Сената²⁸. Остается только гадать, на каком профессиональном уровне поименованные должностные лица были способны осуществлять надзор за соблюдением законности.

В том же 1851 г. из 88 председателей губернских палат уголовного и гражданского суда и председателей губернских судов среднее и высшее образование имели 49 человек (55,6% состава). Дипломированных юристов среди председателей судов насчитывалось 24 человека (27,2%), еще 9 имели непрофильное высшее образование (духовное, медицинское, филологическое, педагогическое).

Соответственно, 44,4% руководящих должностных лиц российских органов правосудия в 1851 г. не получил вообще никакого систематического образования. Да и среднее образование, полученное 16 председателями судов (кадетские корпуса, пансионы при университетах, уездные училища, гимназии), создавало явно недостаточные предпосылки для успешного занятия отправлением правосудия. Трудно понять, например, как мог эффективно справляться с судейскими обязанностями занимавший с 1845 г. должность председателя Калужской палаты гражданского суда Н.А. Писарев, выпускник кадетского корпуса 1812 г.²⁹

Итак, возможно с определенностью констатировать, что на государственной службе дореформенной России юридическая корпорация сформироваться не могла никоим образом. Однако это вовсе не означало, что в николаевское время не могли начать складываться предпо-

сылки для образования этой корпорации.

Здесь представляется необходимым упомянуть о двух небольших группах служащих органов юстиции, для которых был характерен органический взаимный антагонизм, но вместе с тем и наиболее высокий уровень профессионализма. Одну из них составляли старшие канцелярские служащие судов, другую — пришедшие в ведомство Министерства юстиции выпускники упоминавшегося Императорского Училища правоведения. Благодаря профессионализму эти группы могли бы в перспективе выступить, аллегорически выражаясь, кристаллами формирования корпорации юристов на государственной службе. Но этим кристаллом роста суждено было явиться лишь одной из них.

Группа секретарей и старших письмоводителей судов сложилась как однородно профессиональная в русле стародавней российской традиции, когда при юридически неподготовленном судье состоял искусный в практическом законоведении канцелярист. Традиции этой сопутствовало застарелое отсутствие в отечественном судопроизводстве (как уголовном, так и гражданском) гласности и состязательности. Итогом стало явление, которое возможно обозначить как «власть канцелярии» (или «власть судебной канцелярии»).

Однако «власть канцелярии», неизбежная и приемлемая еще при Петре I, перестала быть таковой уже к началу XIX в. — в условиях нарастающего усложнения системы законодательства и государственного механизма, что требовало специализации и профессионализации бюро-

²⁶ Кони А.Ф. Труды и задачи Петербургского юридического общества // Кони А.Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 4. С. 296.

■ ²⁷ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1851. СПб., 1851. С. 9–129, 259–386.

■ ²⁸ Там же. С. 127, 299, 310, 318, 343, 349. ■ ²⁹ Там же. С. 292.

кратии³⁰. Одновременно менялся к худшему правовой и общественный статус старших канцелярских служащих. Занимавший достойное служебное положение и пользовавшийся уважением дьяк-законоискусник времен царя Алексея Михайловича необратимо выродился в пренебрежительно отвергаемого дворянским обществом коррумпированного секретаря-крючковтора времен императора Николая Павловича.

Архаичная «власть канцелярии», решающая роль в отправлении правосудия старших канцелярских служащих стала одной из натуральных яздореформенной российской судебной системы. Как емко констатировал в 1886 г. отнюдь не отличавшийся либеральными умонастроениями выдающийся правовед и государственный деятель — прокурор Московской судебной палаты Н.В. Муравьев, «секретарь-делец, хорошо изучивший судебную технику и все извивы старого судопроизводства... держал в своих руках прежнюю юстицию и, прячась за спиной судей, был фактическим распорядителем судебной власти»³¹. А успевший четыре года отработать в дореформенном уездном суде тайный советник П.Н. Костылев посвятил тогдашним секретарям такие эмоционально критические строки: «...Эти решители судеб обвиняемого, эти воротилы дел, раздаватели горя и милостей, мастера в обращении с законом»³².

Нечего и говорить, что никакого образования (зачастую даже средне-

го) старшие канцелярские служащие не имели, а профильными знаниями и навыками овладевали исключительно на практике. Представляется неоспоримым, что эти «судейские дельцы», не имевшие ни малейшего представления о теоретическом законоведении, едва не поголовно склонные к взяточничеству и к выработке неправосудных судебных решений, да к тому же ничем взаимно не связанные, никак не могли образовать собой кристалл формирования корпорации юристов. Иначе сложилась ситуация с выпускниками Императорского Училища правоведения.

Став первым (и последним) в Российской империи образовательным учреждением, специализированным на подготовке юристов для государственной службы, Императорское Училище правоведения сыграло в истории отечественных органов юстиции уникально значимую роль³³. Дело в том, что немногочисленные выпускники училища обладали в массе своей не только глубокими и разносторонними познаниями в юриспруденции, но и твердыми представлениями о высоких моральных стандартах профессии, а также сильнейшим духом корпоративного единения (что обуславливалось закрытым и привилегированным характером их *alma mater* — при 6-летнем сроке обучения).

Представляется возможным с уверенностью предположить, что само слово «правовед» возникло и до

начала XX в. использовалось в русском языке исключительно в значении «выпускник Императорского Училища правоведения». Если же еще вспомнить, что, благодаря кадровой политике Министерства юстиции, «правоведы» получали значительные карьерные преимущества, приоритетно продвигались по службе (как в центральном аппарате Министерства, департаментах Сената, так и в региональных органах правосудия и прокуратуры), то станет очевидно, что именно эта внутренне спаянная «дружина «рыцарей права»»³⁴ явилась кристаллом зарождения корпорации юристов на государственной службе империи.

Резюмируя изложенное выше, необходимо констатировать, что в дореформенный период в Российской империи в полной мере не сложилось ни единого условия, необходимого для формирования корпорации юристов на государственной службе. Вместе с тем в предреформенное время в судебном ведомстве империи самоорганизовалась профессиональная группа, явившаяся своего рода кристаллом зарождения названной корпорации. Эту группу образовали выпускники привилегированного Императорского Училища правоведения. Образование группы «правоведов» явилось одной из существенных предпосылок как успешного проведения Судебной реформы 1864 г., так и последовавшего за ней формирования корпорации юристов на государственной службе России. [ЮМ](#)

³⁰ Об этой профессионализации и специализации подробнее см.: Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 2. С. 501–511. См. также интересную главу «Бюрократизация, специализация и образование» отмеченного труда Р. Уортмана (Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. P. 34–50). ■ ³¹ Муравьев Н.В. О судебной службе. Беседы с кандидатами на судебные должности // Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 1. С. 334. ■ ³² Костылев П.Н. Записки // Русский архив. 1909. Кн. 1. № 1. С. 146. ■ ³³ О внутреннем устройстве, учебной программе и функционировании Императорского Училища правоведения, а также о духовной атмосфере в его стенах в предреформенный период наиболее подробно см.: Сюзор Г.П. Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. 1835–1910 гг. (Исторический очерк). СПб., 1910. С. 116–147, 170–180, 231–236; Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. P. 198–220; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. С. 173–193. ■ ³⁴ Так «правоведов» первых выпусков назвал их младший современник известный публицист присяжный поверенный Г.А. Джаншиев (Джаншиев Г.А. Деятели крестьянской реформы В.А. Арцимович // Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 7-е изд. М., 1898. С. 708).

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Киев: Тип. Имп. Унив. св. Владимира, 1884. Т. 1. 674, XLI, IV с.
2. Джаншиев Г.А. Деятели крестьянской реформы В.А. Арцимович // Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 7-е изд. М.: Типолитограф. К.В. Александрова, 1898. С. 705–730.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 287 с.
4. Захаров В.В. Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века. Курск: КГУ, 2006. 297 с.
5. Захаров В.В., Ильина Т.Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX – начале XX века: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. 193 с.
6. Кони А.Ф. Труды и задачи Петербургского юридического общества // Кони А.Ф. Собрание сочинений. М.: Юридическая лит., 1967. Т. 4. С. 293–316.
7. Костылев П.Н. Записки // Русский архив. 1909. Кн. 1. № 1. С. 123–168.
8. Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб.: Тип. В.П. Мещерского, 1897. Ч. 1. 453, IV с.
9. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
10. Муравьев Н.В. О судебной службе. Беседы с кандидатами на судебные должности // Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 1. С. 268–336.
11. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. М.: Университетская тип., 1889. Т. 1. V, 552 с.
12. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1860–1861 год. СПб.: Тип. Имп. Академии наук [1860]. Ч. 2. VI, 512 стб.
13. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. [М.: б. и., 1857]. 240 с. (с разд. паг.).
14. Отчет о состоянии Императорского Казанского университета в 1849–1850 академическом году. Казань: Университетская тип., 1850. 38 с.
15. Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1855–1856 учебный год. Казань: Университетская тип., 1856. 24 с.
16. Пятьдесят лет специальной школе для образования военных законоведов в России. 1832–1882 / под ред. П.О. Бобровского. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1882. II, 168 с.
17. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие от Александра I до Александра II (1801–1860 гг.) // Российский следователь. 2015. № 11. С. 54–59.
18. Симбаева Д.Ю. Значение судебной реформы 1864 года для формирования корпорации юристов в России // День юриста: матер. междунар. науч.-практ. конф. М.: РУДН, 2014. С. 49–58.
19. Симбаева Д.Ю. Судебная реформа 1864 года и формирование корпорации юристов в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 13–17.
20. Сюзор Г.П. Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. 1835–1910 гг. (Исторический очерк). СПб.: Государственная типограф., 1910. 514 с.
21. Список бывшим воспитанникам Императорского Училища правоведения, окончившим в оном курс наук. 1840–1910 гг. // Памятная книжка Императорского Училища правоведения на учебный 1910–1911 год. СПб.: Сенатская тип., 1910. С. 3–210.
22. Список студентов Императорского Харьковского университета на 1840/41 академический год [Харьков: б.и., 1840]. 28 с.
23. Список студентов Императорского Харьковского университета на 1843/44 академический год [Харьков: б.и., 1843]. 34 с.
24. Список студентов Императорского Харьковского университета на 1854–1855 академический год. [Харьков: б.и., 1854]. 29 с.
25. Список студентов, окончивших курс в Лицее князя Безбородко со времени преобразования его из математического факультета в юридический / сост. Н.В. Гербель // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб.: б.и., 1881. Приложения. С. CXLVI–CLXXXVI.
26. Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1851. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1851. 323, VI с.
27. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2010. 336 с.
28. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. 1755–1855. М.: Университетская тип., 1855. XII, 582 с.
29. Щедрина Ю.В. Формирование судейского корпуса накануне судебной реформы 1864 г. // Армия и общество. 2014. № 1. С. 60–66.
30. Album Academicum der Kaiserlichen Universit t Dorpat / bearh. von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat: Verl. von C. Mattiesen, 1889. VIII, 1007 S.
31. Fischer W., Lundgreen P. The Recruitment and Training of Administrative and Technical Personnel // The Formation of National States in Western Europe / ed. by Ch. Tilly. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1975. P. 456–561.
32. Friedrich G. The Continental Tradition of Training Administrators in Law and Jurisprudence // The Journal of Modern History. 1939. Vol. 11. № 2. P. 129–148.
33. Levin-Stankevich B. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class. The professions in Russian History / ed. by H. Balzer. Armonk, N. Y.: M. E. Sharp, 1996. P. 223–249.
34. Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 1976. XI, 365 p.